

Глава 6. Шестая нить

Прошло десять лет.

В мае стояла изнуряющая жара. Склоны за главным пиком секты Меча Лянъи сплошь покрылись нежно-розовым цветом цветущих персиков. На полпути к вершине высился Павильон Хранения Зелени — хранилище магических техник и тайных свитков. Внешние ученики могли попасть туда лишь при наличии очков вклада и за немалую плату в духовных камнях, да и то им открывался доступ только на первые два этажа. Внутренние же ученики проходили свободно, тратя лишь очки вклада.

Цзян Сяочжоу забрался на третий этаж павильона, отыскал укромный, скрытый от солнца уголок и уселся там, скрестив ноги. В руках он держал трактат под названием «Двенадцать канонов пути меча», но, хотя взгляд его упирался в строчки, мыслями юноша витал далеко отсюда.

Солнечный луч, лившийся из окна, едва дотягивался до носков его сапог. Снаружи доносился беззаботный щебет птиц, гармонично сливавшийся с шелестом ветра и рокотом далекого водопада. Прищурившись, Сяочжоу лениво скользил взглядом по иероглифам. Смысл написанного совершенно не укладывался в голове; он просидел так неподвижно больше четырех часов лишь для вида и теперь откровенно засыпал.

В открытое окно заглядывала ветка с распустившимся весенним цветком.

В такую погоду полагалось радоваться жизни: бродить по горам, купаться в речке, стрелять птиц да ловить рыбу. Любое занятие казалось во сто крат приятнее унылого чтения. Юноша вспомнил, как в прошлый раз вытащил из ручья жирную рыбину и вместе с Цзян Цзиньюэ зажарил её на углях. Каким же божественным был тот вкус!

Вернув многострадальный трактат на полку — за всё время он так и не перевернул ни единой страницы, — Сяочжоу сладко потянулся и решил, что с него хватит.

Но стоило ему сделать шаг, как из-за соседних стеллажей донёлся молодой голос:

— Старший брат Чжоу, как продвигается подготовка к сектантскому испытанию? До него ведь осталось всего полмесяца.

— Особо готовиться не к чему. Сделаю всё, что в моих силах, — раздался спокойный, низкий ответ, заставивший Цзян Сяочжоу замереть.

Говорившим оказался не кто иной, как Чжоу Ци. Его сопровождали трое внутренних учеников, заискивающе заглядывавших ему в лицо.

— С вашими силами, старший брат, вы непременно займёте первое место! — горячо уверял один из них. — Достичь стадии Золотого Ядра всего за десять лет... Вы, должно быть, самый молодой мастер Золотого Ядра в истории! Даже сам глава секты не устаёт восхищаться вашим талантом в искусстве меча.

Последовала новая порция лести. Чжоу Ци лишь вежливо улыбался, отнекиваясь, пока один из учеников вдруг не сменил тему:

— По сравнению с вами этот выскочка Цзян Сяочжоу — просто ничтожество. На прошлом испытании он позорно занял последнее место среди внутренних учеников. Интересно, как он опозорится в этот раз?

Чжоу Ци перестал улыбаться.

— Не будь он сыном великого главы, его бы и на порог секты Меча Лянъи не пустили.

— Повезло родиться в правильной семье, тут уж ничего не поделаешь... — вздохнул другой. — Мне только обидно за вас, старший брат Чжоу. Обладать таким редчайшим даром — и прозябать в тени этого никчёмного бездельника.

Стоявший за стеллажами Цзян Сяочжоу лишь мысленно вздохнул от этой несправедливости.

За десять лет пропасть между ними стала поистине огромной. В этом мире упорство не всегда приносило плоды: на пути самосовершенствования главенствовали врождённый талант и качество духовных костей. Развитие Чжоу Ци напоминало взлёт пущенной в небо стрелы. Сейчас он уже достиг стадии Золотого Ядра — невероятный успех, приковавший к нему взоры всего мира боевых искусств.

Справедливости ради, сам Цзян Сяочжоу не был законченным безнадёжным глупцом. Благодаря наставничеству Мин И и ежедневному поглощению редчайших эликсиров он сумел добраться до стадии Слияния. Но впереди его ждал этап Колебания Разума, отделяющий его от вожаемого Золотого Ядра. Эта стадия славилась коварством и опасностями, и Сяочжоу совершенно не был уверен, что сможет преодолеть её без потерь.

Что тут поделаешь? Для Чжоу Ци прорывы давались так же естественно, как дыхание или еда. Это походило на решение сложных математических задач: гений с первого взгляда видит решение, в то время как Сяочжоу принадлежал к числу тех нерадивых учеников, которые однажды на уроке на секунду наклонились за упавшим ластиком, а выпрямившись, обнаружили, что больше не понимают ни единого слова учителя.

В постижении истинной сути меча он оставался круглым невеждой.

Тем временем троица за стеллажами продолжала увлечённо перемывать ему кости. В их речах

Цзян Сяочжоу представал спесивым, ленивым бездельником, бессмысленно растрачивающим ценнейшие ресурсы секты. Они сокрушались так яростно, будто Сяочжоу лично обделил каждого из них.

Наслушавшись этой ерунды, Сяочжоу зевнул и уже собрался выйти из своего укрытия, как вдруг раздался звонкий детский голос:

— Надо же, целых три почтенных практика стадии Просветления судачат за чужой спиной словно базарные торговки. Какое редкое зрелище!

Троица ошеломлённо обернулась. Перед ними стоял десятилетний мальчик в лёгкой рубаше с короткими рукавами. Несмотря на то что его духовное развитие едва достигло стадии Заложения Основ, держался он высокомерно и ничуть не робел перед превосходящими силами.

Во всей секте Меча Лянъи так дерзить старшим позволялось лишь одному человеку — младшему сыну главы Цзян Чангэ и феи Лэчи, Цзян Цзиньюэ.

— Цзян Сяочжоу занимает место, которого недостоин, — недовольно буркнул один из них, с пренебрежением глядя на малявку. — С какой стати нам об этом молчать?

— А кто, по-вашему, достоин звания Первого ученика? Ты? Или, может, ты? — Цзиньюэ надменно указал на каждого пальцем. Выглядел он при этом куда спесивее всей троицы вместе взятой.

— Разумеется, старший брат Чжоу! — в один голос ответили те.

— Старший брат Чжоу — величайший гений нашего времени! Его сила не знает равных среди сверстников. Если он станет Первым учеником, это будет справедливо, и ни у кого не возникнет возражений!

Только тогда Чжоу Ци подал голос:

— Младший брат, зачем ты пришёл в павильон?

— За братом, — фыркнул Цзиньюэ.

Чжоу Ци опешил:

— Старший брат Сяочжоу... он здесь?

Он растерянно огляделся. В этот самый момент из-за книжного шкафа неторопливо вышел сам

Цзян Сяочжоу.

Обычно чуткое духовное восприятие Чжоу Ци без труда распознало бы присутствие постороннего, однако Мин И обучил Сяочжоу особому искусству сокрытия ауры. Тот посчитал этот навык невероятно полезным для беззаботного безделья и освоил его в совершенстве.

Цзян Сяочжоу вежливо кивнул юноше:

— Младший брат Чжоу.

— Старший брат...

Чжоу Ци разительно изменился за эти годы. Он вытянулся, возмужал, а простое светлое одеяние выгодно подчёркивало стройную, статную фигуру, напоминавшую молодое крепкое дерево. Из робкого сироты он превратился в уверенного в себе человека, окружённого толпой верных последователей. Ныне он сиял на небосводе мира бессмертных яркой новой звездой, тогда как Сяочжоу всё глубже увязал в серости и посредственности.

С тех пор как Чжоу Ци стал личным учеником Цзян Чангэ, они с Сяочжоу почти перестали видеться. Чжоу Ци тренировался дни и ночи напролёт, стремясь к вершинам силы, а Сяочжоу проводил всё время, нянчась с подрастающим Цзиньюэ. Теперь их связывало разве что вежливое приветствие при случайных встречах.

— Занимайся своими делами, младший брат. Мы с Цзиньюэ пойдём, — ровно произнёс Сяочжоу.

Стоило братьям скрыться за дверями, как троица за спиной Чжоу Ци разразилась возмущёнными криками:

— Какая низость — подслушивать чужие разговоры! Омерзительно!

Чжоу Ци лишь молча смотрел вслед ушедшему названому брату.

По дороге Цзиньюэ крепко держал брата за руку, надув губы и сердито сопя.

— Вот вырасту и стану сильнее этого выскочки Чжоу! Чтобы никто больше не смел распускать о тебе язык!

Цзян Сяочжоу ласково улыбнулся:

— К тому времени, как ты подрастёшь, его и след простынет.

Когда начнётся основной сюжет романа, Чжоу Ци наверняка пустится странствовать по миру. Сяочжоу и сам не знал, насколько сильно изменились предначертанные события — ведь в оригинальной истории именно Чжоу Ци носил титул Первого ученика, а Цзиньюэ был лишь его младшим братом по секте.

— Ну и пусть катится, — Цзиньюэ упрямо вскинул подбородок. — Гэгэ, когда я стану взрослым, то буду сам тебя защищать. Ни одна живая душа не посмеет сказать про тебя худого слова!

На сердце у Сяочжоу потеплело. Наверное, из-за того, что фея Лэчи во время беременности часто видела старшего сына, её второй ребёнок привязался к Сяочжоу сильнее, чем к собственным родителям.

На полпути к дому им повстречался Мин И.

За прошедшее десятилетие время словно не коснулось его лица. Он всё так же числился старейшиной секты Меча Лянъи, однако никакими делами себя не обременял. Помимо редких уроков с Сяочжоу, он, казалось, целыми днями изнывал от безделья.

— О, Сяочжоу, и его верный хвостик, — лениво помахал им рукой старейшина. — Через две недели испытание. Готов похвастаться успехами?

Этот вопрос пришёлся как соль на рану. Сяочжоу уныло вздохнул:

— Полностью готов. К почётному последнему месту.

— К счастью, ты не мой личный ученик, так что позорить будешь не моё имя.

— Мой отец возлагает все надежды на Чжоу Ци, это его обязанность — прославлять имя Цзян, — без тени смущения отозвался Сяочжоу.

В глазах Мин И юноша напоминал забавного поросёнка, который заперт в загоне, но всё равно норовит укусить хозяина за палец. Разглядывая его черты, становившиеся с каждым годом всё изящнее, старейшина испытывал странную гордость создателя.

— И тебя действительно не задевают их шепотки за спиной?

Сяочжоу спрятал ладони в широкие рукава и неторопливо рассудил:

— Как бы это выразиться... Какими бы недовольными они ни были, это не изменит того факта, что я сын главы секты. Если им так завидно, пусть попросят моего отца усыновить их. Я возражать не стану.

Мин И весело расхохотался.

— И куда же вы направляетесь?

— На Террасу Обсуждения Меча.

Мин И удивлённо приподнял бровь. На словах юноше всё равно, а на деле бежит тренироваться?

Сяочжоу, заметив его недоумение, поспешил пояснить:

— В прошлом году я обустроил на террасе птичник с жирными птицами. По моим подсчётам, они уже как раз созрели для котелка.

Заинтересованный Мин И решил составить им компанию. Втроём они двинулись к вершине. За десять лет Сяочжоу неплохо освоил технику «Шагов Восхождения к Облакам»: духовная энергия мягкими завихрениями клубилась у его ног, придавая его движениям истинно бессмертную лёгкость.

Время не пощадило Беседку Созерцания Луны: за десять лет ветров и дождей её деревянные опоры заметно потемнели. Стоило троице ступить на каменные плиты террасы, как в разные стороны, неуклюже перебирая лапами, бросились упитанные птицы.

Это были аисты Цзыин — подарок феи Лэчи. Они не умели ни летать, ни высоко прыгать, питались исключительно целебной травой, а их нежнейшее мясо оставалось невероятно вкусным при любом способе приготовления — хоть туши, хоть жарь на углях. Вся Терраса Обсуждения Меча, заваленная перьями и пухом, ныне больше походила на образцовый птицеводческий лагерь.

Сяочжоу намётанным глазом оценил стаю, ловко ухватил за крыло самую тощую птицу и вздохнул с притворным сожалением:

— Бедняжка совсем потеряла аппетит. Видать, занемогла, не жилец. Придётся избавить её от мучений и зажарить...

Привычным движением он заколол аиста, ощипал и выпотрошил тушку. Затем соорудил кострище, вынул из ножен драгоценный меч и без тени сомнения насадил на него дичь, словно на вертел. Цзиньюэ с готовностью извлёк из карманов мешочки с солью и ароматными специями.

Опустившись на корточки, Сяочжоу сложил пальцы в магическом жесте, и из кучи хвороста с весёлым треском взметнулось ярко-рыжее пламя. Огонь принялся лизать тушку, заставляя сок шипеть на углях. Аисты Цзыин славились приличной прослойкой жира, так что обходились без

масла, мгновенно окутывая поляну умопомрачительным ароматом.

Сяочжоу управлялся с жаром с мастерством истинного шеф-повара. Он вовремя переворачивал вертел, щедро сдабривал мясо приправами, и вскоре корочка покрылась идеальным золотистым глянцем.

К слову, сам импровизированный вертел представлял собой истинную ценность. Этот меч Цзян Чангэ когда-то с большим трудом раздобыл для своего старшего сына. Клинок среднего ранга, не знающий износа, не боящийся ни пламени, ни кислот... Обладая это оружие собственным духом, тот наверняка проклял бы хозяина и рассыпался от стыда за подобное святотатство.

Мин И заинтересованно сощурился:

— Огонь Сердца Лотоса?

Сяочжоу самодовольно усмехнулся:

— Он самый. Для жарки мяса — лучшее средство. Главное ведь в этом деле — тонко почувствовать жар. Если вам понравится, в следующий раз приготовлю рыбу.

Высшая магическая техника Пламени Сердца Лотоса, способная при полном раскрытии иссушать чужую духовную энергию и выжигать души противников, когда-то была причиной кровопролитных войн между великими кланами. Теперь же в руках Цзян Сяочжоу она служила портативной кухонной плитой.

Сняв птицу с клинка, Сяочжоу аккуратно разделил её на порции и протянул лучшие куски Мин И и подбежавшему Цзиньюэ.

Старейшина давно прошёл стадию Очищения Кишечника и не нуждался в мирской пище, однако взял угощение чисто машинально.

Ему досталось сочное бедро. Сяочжоу с лёгким сожалением выдохнул:

— Окорочок у аиста — самое лакомое место! Мясо нежное, так и брызжет соком. Попробуйте скорее!

Подгоняемый нетерпеливым взглядом ученика, Мин И, собиравшийся было вежливо отказаться, передумал и откусил кусочек.

Вкус оказался божественным. Даже в те далёкие времена, когда старейшина ещё разделял трапезы с простыми смертными, ему не доводилось пробовать ничего подобного. Мастерство Сяочжоу в обращении с кулинарным пламенем действительно граничило с искусством.

Теперь стало понятно, почему на общих экзаменах юноша стабильно заваливал фехтование и теорию, зато демонстрировал феноменальное владение Огнём Сердца Лотоса.

Оказывается, истинный стимул для тренировок крылся в поиске идеального рецепта.

<http://bllate.org/book/20178/2130964>